

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

ВПОЛНЕ ВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ

Имя Стига Ларссона известно в нашей стране лишь небольшому числу людей, изучающих современную шведскую культуру. Это несмотря на то, что он уже весьма ярко и талантливо заявил о себе и в литературе, и в театре, и в кино. Стигу 35 лет, на его счету уже семь поэтических сборников, четыре романа, четыре спектакля, которые он сам поставил по своим пьесам, и два полнометражных художественных авторских фильма. Одна из его пьес поставлена в Америке, три романа переведены на немецкий и французский языки.

Недавно он побывал в нашей стране с целью реализации кое-каких творческих планов. О них, а главное, о том, как удается их реализовать у себя на родине, в Швеции, беседовал с ним наш корреспондент.

При знакомстве Стиг не строил из себя молодого метра и повел разговор за просто, «на ты».

— Я отправляюсь на Сахалин по следам Чехова. Предполагается снять об этом фильм. Если у нас что-то получится — хорошо, если нет — я напишу о том, что у нас ничего не получилось. Ведь я работал и как режиссер, и как писатель. Сахалин и Сибирь интересны мне еще и с точки зрения изучения лингвистики. Когда изучаешь языки, не родственные своему собственному, получается любопытная картина того, что вообще может язык, слово. Интересно, какие средства используют люди для более полного выражения своих мыслей. Например, в якутском языке в зависимости от ударения в словах меняется смысл сказанного. Это знание очень помогает и в режиссерской работе с актерами. Есть вещи, которые нельзя объяснить знакомыми всем словами, они как бы «по другую сторону языка».

— Такое исследовательское отношение к слову и языку, наверное, заставляет искать новые пути и в литературе. Можешь быть, этим объясняется твой успех. А как ты начал писать, что заставило тебя впервые «взяться за перо»? Почему твоим первым изданным произведением сразу оказался роман?

— В начале шестидесятых я учился в Драматическом институте в Стокгольме и тогда же начал пробовать свои силы на литературном поприще. Учась на последнем курсе, я задумал рассказ и, написав страниц шестьдесят, вдруг понял, что не знаю, как его закончить. Я не мог придумать финал и пришел к своему другу за советом. «Все хорошо, — сказал он, — пиши дальше, и получится роман». «Но ведь здесь нет сюжета, ничего не происходит», — удивился я. «Это будет современный роман», — сказал друг. Я его послушался, и так появилась на свет моя первая книга «Аутист».

— Название означает «человек, потерявший связь с миром». Понятно, что у такого романа нет сюжета. А другие твои произведения, кто их герои?

— Идея героя — это фашистская и неприятная идея. В моих книгах нет героев.

— Мы не поняли друг друга: я спросил о действующих лицах твоих пьес, о людях, про которых ты пишешь романы. О чем ты хочешь рассказать в своих книгах?

— О чем я пишу? Этот вопрос часто задавали мне в Швеции, и я не знал, что ответить. Ведь язык всегда имеет дело с абстракцией, и, найдя один раз способ выразить мысль словами, трудно сделать это же другими словами да еще и короче. Но я понимал, что всегда нужно иметь готовый ответ на этот вопрос, и придумал его: я описываю жизнь и смерть в попытке избежать иерархии между высоким и низким. В моих романах люди делают то, о чем раньше не было принято говорить в приличном обществе. Их персонажи — люди, лишенные рефлексии. Объясню на примере: ты смотришь на девушку, она тебе нравится, и ты хочешь подойти познакомиться, но вдруг замечаешь у нее на пальце кольцо и начинаешь думать: «Она замужем, и я не должен этого делать, ведь я тоже когда-нибудь женюсь, и мне будет неприятно, если кто-нибудь пристанет к моей жене». Это я называю рефлексией, и таких вот размышлений лишены мои персонажи. Для меня главное добраться до темперамента и побудительных мотивов человека. Я пишу как бы от первого лица, и мой персонаж — это всегда я, но не настоящий, а такой, каким мог бы стать в предложенной ситуации.

— Ты молодой человек, чувствуешь ли себя выразителем идей и мыслей своего поколения?

— Трудно быть выразителем чего-либо, кроме своих мыслей. Если у тебя есть какая-то идеология, которую ты хочешь предложить людям, то ты вынужден ее продавать, навязывать. Так, как ребенку дают горькое лекарство одновременно со сладким соком. В производстве тогда надо включать развлекательные элементы. Так ты становишься похожим на продавца пылесосов, вынужденного быть милым со всеми, чтобы продать свою продукцию.

Нет, таких амбиций у меня нет.

— Твои произведения имеют успех. Думаешь ли ты о нем, когда работаешь?

— По-моему, надо различать удовлетворение тщеславия и подлинный смысл занятия литературой. Я думаю, что очень важно для писателя не слишком радоваться успеху. Если же наоборот, если он заботится об успехе, тогда он коррумпирован, зависит от него. А если ты в своей работе зависишь от чего-нибудь, кроме себя самого, ты потерял.

— Однако, наверное, у тебя уже сформировалась «своя» публика, те, для кого ты писал, снимал фильм, ставил спектакли?

— Публику не выбирают. Написать роман — это все равно что встать голым на площади. И от тебя не зависит, какие люди будут ходить по этой площади. Я думаю, что у меня разная публика в зависимости от того, что я делаю. Некоторые вещи действительно имели успех и признание, но это не было результатом сознательного выбора. Просто так получилось.

— Но все же ты наверняка знаешь, кому именно нравится то, что ты делаешь...

— Чаще всего это студенты, молодые интеллектуалы.

— А что, старых интеллектуалов в Швеции нет?

— Просто с возрастом у человека больше проблем.

— А у тебя они есть? Ты ведь еще и поэт, к тому же весьма популярный. Семь поэтических сборников — это впечатляет. Трудно ли быть поэтом в Швеции, издавать свои книги?

— Писать стихи совсем не трудно. Издать сборник тоже не проблема. Обычно книги стихов выходят маленькими тиражами. Тысяча экземпляров уже считается много. У шведских поэтов есть преимущество жителя маленькой страны — у нас очень мало людей, занимающихся поэзией. Поэтому нет конкуренции. Но это в литературе, совсем другое положение в кино.

Если я пишу сборник стихов, я уверен, что он будет издан. Но, работая над сценарием, я никогда не знаю, будет ли по нему поставлен фильм. Приходится считаться с необходимостью найти деньги на постановку. Нужна большая предварительная работа.

— Стать писателем тебе было легко. — первый же роман публика встретила благосклонно. Но, судя по тому, что ты сказал, получить возможность снять свой фильм, стать режиссером было гораздо труднее.

— Очень трудно. Прежде всего потому, что у нас снимается очень мало фильмов. В год делается всего около пятнадцати картин, и большинство из них чисто коммерческие. Надо считаться с тем, что Швеция — маленькая страна и в ней вообще мало ходят в кино. Например, новый фильм известного бельгийского режиссера Шанталь Акерман во Франции демонстрировался с успехом в трех парижских кинотеатрах, а в Стокгольме его посмотрели всего восемь че-

людей.

Я снял два фильма, но парадокс Швеции как маленькой страны и отношения в ней к своему кинематографу заключается в том, что людей, которые были в театре на моих спектаклях, гораздо больше, чем тех, кто видел мои фильмы. В 1979 году я закончил институт, и прошло десять лет, прежде чем мне удалось снять свою первую полнометражную картину.

— К этому времени ты уже был известен как поэт и писатель, за твоими плечами уже был успех театрального режиссера.

— Да, это мне помогло.

— А что делают твои менее удачливые коллеги, те люди, с которыми ты учился в институте?

— Многие работают в других областях. Каждый год Драматический институт в Стокгольме по специальности режиссура оканчивают три-четыре человека, и лишь одному из них удается сразу поставить свой фильм. У нас слишком маленькое кинопроизводство, и надо иметь определенные контакты: полезные знакомства в киносреде, чтобы тебе повезло и ты смог бы работать. В Швеции кинематографом профессионально занимается человек 40—50. Все на виду, и все про всех известно и ясно.

— Но я знаю, что в Швеции есть государственные программы, которые направлены на поддержку национальной культуры.

— Конечно, с этим нам повезло. У нас есть государственные стипендии, которые помогают выжить театрам и даже отдельным писателям, не имеющим коммерческого успеха. В Швеции культура не так сильно подчинена рынку, как, например, в Америке. Но кинематограф — такая область, где производство требует больших затрат, и здесь дело обстоит по-другому.

— Скажи, а почему так мало людей пытаются писать стихи, романы? Почему маленькая конкуренция? Наверное, трудно получить эту государственную помощь?

— Да, конечно, это нелегко, надо, чтобы твое творчество признала критика. У писателя, а тем более у поэта с критикой всегда сложные отношения. Даже если критики тебя хвалят, это совсем не значит, что они понимают твоё творчество. Я уверен, очень многие не понимают того, что я делаю. Когда ты сидишь в ресторане, ты можешь быть уверен, что принесут то блюдо, которое ты заказал. Все предсказуемо. Когда пишешь, все иначе, и конечный результат всегда неизвестен.

Кроме того, надо еще хотеть что-то сказать, надо, чтобы что-то внутри заставляло это делать. А далеко не в каждом человеке это есть.

— Стиг, ты учился на кинорежиссера, но десять лет занимался литературой и театром. Теперь у тебя есть возможность снимать фильмы. За последние два года ты снял две картины. Значит ли это, что кинематографические лавры для тебя более привлекательны, чем литературные?

— Нет, я по-прежнему пишу не только сценарии, но и стихи. Я планирую каждый год снимать один фильм, ставить пьесу, писать роман и сборник стихов.

— И тебе это удастся!!

— Пока да.

Беседу вел

Ильдар ЖАНДАРЭВ.

● Стиг Ларссон.

Фото Уллы Монтан.